
СТАТЬИ

УДК 94 (47)

ББК 63(2)41

DOI 10.25797/NG.2019.1.26142

С.В. Алексеев

«УСТРОЕНИЕ ЗЕМЛИ» В ДРЕВНЕРУССКОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Аннотация: В статье на примере отдельных сюжетов из древнерусской и южнославянской раннесредневековой литературы рассматривается воздействие архаических мифологических мотивов на образ истории. Летописное предание о призвании варягов сопоставляется с сюжетами из «Летописи попа Дуклянина» и болгарской исторической апокалиптики. Вычленяются мотивы, восходящие к мифологическому архетипу «устроения земли» культурным героем-предком. Прослеживается судьба этих мотивов в ран-

несредневековом славянском историописании, в том числе на примере бесспорно исторических по происхождению сюжетов. Статья основана на опыте работы над «Указателем сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы».

Ключевые слова: Древняя Русь, летописание, фольклор, устная традиция, сюжет, мотив, миф, древнерусская литература, южнославянская литература, «устроение земли»

Степень достоверности ранней исторической традиции, отраженной в древнейших письменных памятниках, — один из ключевых и наиболее сложных вопросов при изучении истории любого народа. Давно находится эта проблема и в фокусе внимания специалистов, занимающихся историей Древней Руси. Соотношение исторического факта, его интерпретации в устной фольклорной традиции, литературных влияний на эту интерпретацию

оценивается подчас диаметрально противоположным образом. Поскольку вопрос имеет значение как для истории, так и филологии (и медиевистической, и фольклористики), дискуссии развивались в обеих областях научного знания. Крайние точки зрения выразились в подходах существовавших с XIX в. и в филологии, и в истории научных школ. Сложившись на почве фольклористики, подходы «мифологической», «исторической» школы, школы

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-06-00008А, «Устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славяноязычной литературы»).

«заимствований» оказывали (и продолжают оказывать) влияние и на историческое источниковедение. Вместе с тем, с середины XX в. в западной науке, с 1980-х гг. в отечественной все больше внимания уделяется поиску синтеза, изучению сложных процессов взаимодействия устной и письменной традиции уже на самых ранних этапах.

Устная историко-эпическая традиция зарождается не на почве истории и не на почве мифа, а на почве встречи истории и мифа, мифологического осмысления исторической реальности. На протяжении долгого времени, в том числе и после появления письменности, она остается основной формой познания прошлого и передачи конкретных данных о нем.

Устная традиция, ни «живая», ни обработанная в рамках древних и средневековых письменных памятников, не может удовлетворить требованиям современной науки к достоверному источнику. Ее данные нуждаются в постоянной критической верификации. Однако отбрасывать и игнорировать их ровно столько же оснований, сколько использовать их без критической проверки или видеть за каждым фольклорным сюжетом историческое событие. Иными словами, оснований для этого нет. И устная историко-эпическая традиция, и фольклор в целом могут и должны рассматриваться в качестве исторического источника, в том числе по фактической истории. Методы анализа фольклора в этом качестве нуждаются в дальнейшей разработке, но в общем давно известны.

С момента появления письменности начинается тесная коммуникация устного и письменного, возникает «круговорот»

сюжетов и мотивов между фольклором и литературой. Это взаимодействие никогда не носит одностороннего характера, и более напоминает конвергенцию не только в целом, но и во всех конкретных случаях. Проще усваиваются устной традицией те литературные явления, которые находят в ней соответствия. Факт такого взаимодействия ни в коей мере не «уничтожает» архаические черты устной традиции, не отменяет ни исторической, ни мифологической ее основы. Соответственно, не делает он их и недоступными для научной реконструкции — ни на каком этапе бытования традиции.

Корни устной традиции, как уже сказано, уходят в том числе и в архаический миф. Естественно, что отдельные чисто мифологические мотивы сохраняются и в рамках исторического предания, получая новую интерпретацию и привязки в переосмысленной фольклором конкретной истории. В процессе записи предания средневековым автором такие мотивы тоже сохраняются, нередко приобретая еще большую иллюзорную «достоверность».

Наиболее востребованный в раннеисторической традиции мифологический архетип можно определить как «устроение земли». Восходя к мифам космогоническим и о культурных героях, он «входил» в реальную историю через воспроизведение в ритуале — в частности, в ритуалах возведения правителя. Ключевые компоненты этого мифологического комплекса, сохраненные эпосом различных народов, — появление героя на неосвоенной земле, ее преобразование в результате его действий, происхождение «своего» народа. Естественно, что эти мотивы в большей или меньшей степени

оказались востребованы и в ранней литературной традиции. Здесь они закреплялись в конкретной истории, переносились на ставших полуполюгендарными предков конкретных правящих династий. Такое «восполнение» реальной истории элементами древних мифов имело весьма длительный эффект, воспроизводя себя на разных этапах историописания, вплоть до трудов ученых нового времени.

Отражение мифов об «устроении земли» в фольклоре, в древней и средневековой литературе рассматривался в науке, в том числе в отечественной, неоднократно на материале самых разных этнических традиций. Глубокий анализ отражения соответствующих мотивов в русских народных исторических преданиях провела Н.А. Криничная¹. Центральный для сюжета мотив «взятия земли» на примере летописного сказания о призвании варягов разобран в контексте североевропейских аналогий Е.А. Мельниковой². В недавней статье автора этих строк мотив «обретения земли» рассматривается в перспективе славянского раннего историописания³.

¹ Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 30–77.

² Мельникова Е.А. Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтнической знати // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 109–113.

³ Алексеев С.В. Тема «обретения земли» в славянском фольклоре и раннесредневековом историописании // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 6 (70). История и миф: теория, идентичность, социокультурные и политические реалии (Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840002241-4-1>).

В настоящей статье рассматривается весь комплекс мифо-исторических мотивов, связанных в раннем славяноязычном историописании с темой «устроения земли». Это часть исследовательского проекта, осуществляемого нами совместно с О.А. Плотниковой и посвященного анализу остатков устной в древнейших славянских литературных памятниках⁴. В данной статье используется метод выделения устойчивых и имеющих фольклорные параллели мотивов в раннеисторических повествованиях. Полный развернутый указатель таких мотивов ранней славянской книжности опубликован онлайн в минувшем году⁵. Настоящая работа может рассматриваться как первый публикуемый опыт его практического использования.

⁴ См.: Алексеев С.В., Плотникова О.А. Отражение эпоса и преданий в древнейших памятниках славяноязычной литературы: к методологии выявления // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 226–235; Плотникова О.А. К вопросу о роли и значении фольклорных элементов в составе древнерусских исторических повествований // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 6 (70). История и миф: теория, идентичность, социокультурные и политические реалии (Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840002239-1-1>)

⁵ Алексеев С.В. Плотникова О.А. Указатель сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы (Режим доступа: <http://ukazatel.iporadetel.ru/>). О методике см.: Алексеев С.В. Указатель сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы: постановка задачи и подходы // Историческое обозрение. Вып. 18. М., 2017. С. 4–12; Плотникова О.А. Сюжет и мотив в фольклоре и раннем историописании: споры об определениях // Историческое обозрение. Вып. 19. М., 2018. С. 46–55.

Русская версия: призвание варягов

Основным отражением архетипа «устроения земли» в древнерусской литературной традиции, конечно, являлось предание об основании правящей династии Рюриковичей. В нем встречается сразу несколько традиционных мотивов, имеющих аналоги в мифоэпических и раннеисторических повествованиях различных народов. Наряду с ними легенда включает и мотивы, объясняющие происхождение современных этногеографических и социальных реалий (и потому естественно связанных с темой освоения пространства).

Первоначальная версия рассказа о призвании варяжских князей, обычно связываемая с т.н. «Начальным летописным сводом» второй половины XI в., содержится в Новгородской первой летописи младшего извода⁶. Сюжет развивается следующим образом. В «начале Русской земли» после изгнания варягов северные племена затевают междоусобицу, в их землях отсутствуют закон и порядок; потому они призывают варяжских князей. Из-за моря прибывают три брата Рюрик, Синеус и Трувор, становятся князьями, основывают города. Через два года (т.е. на третий год) после призвания варягов Синеус и Трувор умирают, и Рюрик, унаследовав их власть, переходит княжить в Новгород. Именно от Рюрика происходят последующие русские князья, тогда как братья никакой личной роли в сюжете не играют. От варягов Рюрика и братьев «прозвалась русь, и от тех слывет Русская земля». В Новгороде есть люди, происходящие от пришедших с Рюриком варягов.

⁶ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 106.

Сразу следует отметить, что мотив трех братьев-родоначальников распространен у славян, в том числе в средневековой книжности, гораздо шире сюжетов об «обретении страны». Достаточно вспомнить летописное предание о Кие, Щеке и Хориве, где, однако, центральные для рассматриваемого комплекса мотивы освоения новой земли отсутствуют или почти отсутствуют. По крайней мере, это касается той формы, в которой предание включено в летопись.

В «Повести временных лет»⁷ трактовка некоторых мотивов расширяется, и появляются новые. В Радзивилловской и Ипатьевской летописях (и, вероятно, в исходном общем для обеих редакций тексте⁸) отмечается, что Рюрик основал Ладогу, а затем, после смерти братьев, Новгород. Исторически Ладога возникла ранее, а Новгород, скорее всего, позднее IX в. (если речь не идет о «Рюриковом городище»). Автор «Повести временных лет» точно датирует правление Рюрика, отведя ему 17 лет. Это вполне может быть фольклорным числом, — особенно с учетом того, что Олег и Игорь в дальнейшем правят оба по 33 года.

На «сказовый ритм» летописного повествования совершенно справедливо указывалось как на доказательство его устного происхождения⁹. В своей старейшей форме, в Начальном своде, летописный

⁷ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 19–20; ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 14; ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 16.

⁸ См.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 45, 51–52.

⁹ См.: Повесть временных лет / Пер. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Комм. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова. СПб., 2012. С. 241.

рассказ представляет собой поэтический текст. Метр достаточно четко выдержан в начале фрагмента, затем становится более свободным, но в целом остается как минимум «сказовым»:

*И въсташа словенъ и кривици
И меря и чудь на варягы,
И изгнаша я за море;
И начаша владети сами собъ
И города ставити.
И въсташа сами на ся воевать,
И бысть межи ими рать велика и усобица,
И въсташа град на град,
И не беша в нихъ правды.
И реша к себъ: «Князя поищемъ,
Иже бы владель нами и рядиль ны по праву».
Идоша за море к варягомъ
И ркоша: «Земля наша велика и обилна,
А наряда у нас нѣту;
Да поидъте к намъ княжить и владеть нами».
Избрашася три брата с роды своими,
И пояша со собою дружину многу и предивну,
И приидоша к Новугороду.
И съде стареишии в Новъгородѣ,
Бъ имя ему Рюрикъ;
А другьи съде на Бѣлѣозерѣ, Синеусъ;
А третей въ Изборскѣ, имя ему Труворъ.
И от тѣхъ варягъ, находникъ тѣхъ,
Прозвашася Русь,
И от тѣхъ словоет Руская земля;
И суть новгородстии людие
До днешняго дне от рода варяжъска.*

Некоторые слова, «продлевающие» строки (например, «и предивну»), могут быть дополнениями как летописца, так и того, от кого он услышал текст. Как и во всех случаях со средневековыми «записями», о точном воспроизведении устного прототипа (едва ли диктуемого) речь вряд ли идет, — скорее о передаче по памяти с естественной редакцией. Стоит отметить, что в «Повести временных лет» метрика

фрагмента подправлена и «улучшена» в начале:

*И изгнаша варягы за море
И не даша имъ дани
И почаша сами в собъ володѣти...*

— хотя в дальнейшем оказывается размыта пояснениями летописца (в частности, перечнем варяжских племен).

Если рассматривать метрический отрывок как стихотворный текст, то обращает на себя внимание его необычность для славянской средневековой и народной поэзии. С одной стороны, построение стиха действительно имеет ясные аналоги в устном творчестве. С другой, — это более всего походит не на славянские эпические тексты любого времени, а на германскую аллитеративную поэзию. Сочетание повторов «И» в начале каждой строки или полустроки, краткости (полу)строк, частых внутренних рифм, аллитерирующих согласных с большой вероятностью указывает на источник. Так могла бы выглядеть попытка передать скандинавский или англосаксонский стих IX–XI вв. средствами славянского языка и славянского стихосложения.

Данное обстоятельство подкрепляет выводы тех исследователей, которые рассматривают весь сюжет в контексте в первую очередь эпических и саговых традиций Северной Европы. Однако на самом деле форма сохранения предания (в любом случае «метисная») лишь о форме и говорит. Основные компоненты сюжета о призвании встречаются в средневековой славянской книжности далеко за пределами Руси. Это дает право рассматривать древнерусскую генеалогическую легенду и в славянской перспективе.

Сербские версии:

братья-завоеватели и король Белло

Старейшим памятником сербской средневековой историографии и единственным, касающимся ранней дописьменной истории, является «Летопись попа Дуклянина». Сохранилась она только в латинском переводе-переложении и датируется различными исследователями в диапазоне от XII до XIV в. Памятник сложен по своему составу и происхождению. Устная традиция являлась одним из важнейших источников «Летописи», но дошла в двойной литературной переработке — первого автора и «переводчика». Создавая славянский источник «Летописи», «Книгу Готскую», ее автор комбинировал предания Сербии, Хорватии и Адриатического Приморья воедино. Это позволяло создать в прошлом «Королевство славян», подобное рухнувшей к моменту создания «Книги» Дуклянской державе XI — начала XII в. Прославление этого раннесредневекового сербского государства и обоснование династических прав его правителей — главная тема «Летописи»¹⁰.

Первый сюжет, имеющий дело с мотивами «устроения земли» — открывающий «Летопись» рассказ о приходе славян на Балканы. У короля Сенубальда в «северной стране» три сына — Брус, Тотила и Остроил. Тотила и Остроил во главе славян, отождествленных с готами, приходят на Балканы. Из них младший, Остроил, со своим войском вторгается в Далмацию. До славян-«готов» Далмацией владели христиане-«латины». В битве при Темплане Остроил наносит поражение вышедшим против него сильным вой-

скам двух королей — Далмации и Истрии. Король Истрии гибнет, а король Далмации бежит в Салону; множество их воинов перебито или попало в плен. Остроил, победив, завоевывает Далмацию и становится предком всех позднейших славянских королей. Он и его сын устанавливают границы страны. Сам Остроил в «городе Прева-литанском» застигнут греческим войском «с немногими», но вступает в битву и героически гибнет. Покоритель Далмации и первый король «Королевства славян» изображается как вождь-завоеватель, долго не знавший поражений, «муж твердого духа», не боящийся опасности и готовый биться насмерть с более сильным врагом. Славяне, разгромив «латинов», оттеснили их в горы и к побережью. Позднее остатки «латинов» в Приморье подчинились славянским королям¹¹.

Историческая основа этого рассказа — завоевание славянами Далмации в начале VII в. Версии хорватских и сербских переселенческих легенд сохранились у иноязычных авторов X–XIV вв. В то же время предание в том виде, в котором оно вошло в «Летопись попа Дуклянина» — более или менее очевидный литературный конструкт. Во-первых, оно является вольным объединением независимых, хотя и повествующих о близких по времени событиях, преданий загорских сербов, хорватов и дуклян. Это нужно было автору для создания истории единого «Королевства славян». Во-вторых, помимо отождествления славян и готов, автор еще и внес в свою историю готского короля VI в. Тотилу в качестве одного из братьев. Тот либо заменил собой другого персонажа (вождя исторического славянского вторжения

¹⁰ См.: *Алексеев С.В.* Летопись попа Дуклянина: перевод и комментарий. СПб., 2015.

¹¹ Там же. С. 48–49.

начала VII в. в Истрию), либо просто дополнил число братьев до трех. В сходной в ряде отношений легенде о происхождении сербов из сочинения Константина Багрянородного (X в.) братьев двое¹². Стоит заметить, что о трех братьях могла идти речь в дуклянском предании, которое, судя по тому же Константину, и соотносило приход дуклян и сербов, и отмечало независимость дуклян¹³. Остроил, погибший в Дукле, — явно персонаж дуклянской традиции. Однако если даже «летописец» сам изменил доставшееся предание под фольклорный «закон трех», он имел достаточно образцов. Сюжет об обретающих новую землю трех братьях-родоначальниках, из которых лишь один становится основателем правящей династии, распространен почти универсально. То, что он присутствует и в сербской, и в русской средневековой литературе, скорее естественно.

Второй сюжет с аналогичным в основе содержанием связан с королем Белло, прямым предком дуклянской династии. После гибели короля Часлава «Королевство славян» остается надолго без законного правителя и распадается, баны и жупаны правят сами по себе. Побережье разоряют сарацины. Вскоре после этого, наконец, прибывает законный король — Павломир Белло, внук короля Радослава. Белло и сопровождающие его родичи приплывают в опустошенную сарацинами Далмацию из Рима, взяв корабли в Апулии. Они высаживаются в окрестностях будущего Дубровника, где славяне и латины признают власть короля. После при-

бытия Белло и его родичи-римляне строят замок у гавани «Гравоса и Умбла». К ним присоединяются местные латины из разоренного Эпидавра, которые основывают город Рагузу. Вернувшись из изгнания с большими силами, Белло возвращает себе королевство предков, разгромив или подчинив банов и жупанов. Но большинство подчиняется ему с радостью и добровольно. Белло строит города, объединяет славян и латинов. Король изображается как «сильный и храбрый воин». В Риме, где он родился, «не было подобного ему», «ему весьма нравилось ратное дело». Став королем на родине предков, он побеждает всех врагов, не зная поражений. Белло погребен в церкви Святого Михаила в Требинье¹⁴.

У Белло есть исторический прототип — жупан приморского племени требинян второй половины IX в. Белой («Белай»), упоминаемый Константином Багрянородным¹⁵. Исторический Белой был локальным правителем, не имевшим даже княжеского («архонтского») титула — таковой получил только его сын от своего тестя, князя загорской Сербии. Но совпадение географических реалий с легендарным рассказом «Летописи» указывает на вероятную достоверность данных о погребении Белого в церкви Святого Михаила. За этими сведениями может стоять не только местное предание, но и эпиграфический источник. Скорее всего, достоверно и происхождение от Белого дуклянских королей XI в. — в ином случае его неумеренное возвеличение «летописцем»

¹² Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1991. С. 140–141.

¹³ Там же. С. 150–151.

¹⁴ Алексеев С.В. Летопись попа Дуклянина. С. 59–61.

¹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 150–151.

необъяснимо. Основание им Дубровника — легенда, но отразившаяся и в самой дубровницкой традиции, что может подтверждать его роль в укреплении и расширении города в IX в.

Вместе с тем, легендарный характер рассказа в целом очевиден. Тем более оказывается правомерным его сопоставление с сюжетами об «устроении земли». В том числе и с древнерусским преданием о Рюрике (кстати, современнике Белого, если полагаться на летописную хронологию). В этом случае удивительно совпадение тех мотивов, которые кажутся наиболее «историчными» и конкретными. Белло, как и Рюрик, прибывает из-за моря (более того, из-за западного) в ожидающую законного правителя и ввергнутую в хаос страну. Он получает власть почти без сопротивления (в начале) и занимается градостроительством. Насколько эти совпадения являются случайными, позволяет понять обращение к другой южнославянской литературной традиции.

Болгарские версии:

вожди переселения, царь Симеон и каган Делян

Болгарская средневековая литература уникальна длительным отсутствием исторического в собственном смысле слова жанра. Историографическая традиция Первого Болгарского царства не развивалась или не сохранилась. Единственное исключение представляет «Именник болгарских князей», являющийся ранним переводом тюрко-болгарского памятника с греческого языка. В условиях византийского владычества XI–XII вв. появился специфический жанр «исторического апокалипсиса». Он соединил историческую

традицию (в сильно мифологизированном виде) с апокрифической апокалиптикой, восходящей к греческим образцам. Появление и развитие жанра справедливо связывается с богомильской ересью, хотя не все его памятники чисто богомильские по происхождению и содержанию.

Наиболее содержательный из «исторических апокалипсисов», охватывающий всю историю Болгарии до времени создания (начало 1090-х гг.), получил очень условное название «Болгарская апокрифическая летопись». В «Летописи» узнаваемая в целом история предстает в совершенно фантастическом свете. Одни и те же персонажи (как царь Симеон) «умножаются», разделенные веками (Константин Великий и Константин Багрянородный) невероятным образом отождествляются. Присутствуют вымышленные цари с выдуманными именами «библейского» типа. Приход болгар на Балканы возглавляет лично пророк Исаия (которому и приписана «Летопись», как бы пророчество о болгарской истории). Ряду правителей дано невероятное долголетие. «Летопись» представляет народно-фольклорный взгляд на историю, пропущенный, правда, через призму политически и религиозно ангажированной богомильской проповеди. Даже с учетом последнего обстоятельства памятник уникален в раннесредневековой книжности, — не только славянской.

Первые сюжеты об «устроении земли» и героях-строителях в «Летописи» связаны с приходом болгар на Дунай. Прежде «землю Карвунскую» населяли «эллины», но они ушли. Вместо них остались только «эфиопы». Страна, населенная «эфиопами», 130 лет, по оценке «летопис-

ца», «пустует» перед приходом болгар. Исаия приводит болгар в «запустевшую» землю и ставит им царем Слава, который «населил земли и хоры». С царем Славом связывается местность «Сто могил». Его преемник Испор младенцем три года вынашивался коровой (или его носили «в коробе»). Он «создал грады великие», «населил всю землю Карвунскую», прогнав «эфиопов». Именно Испор основал города Дристру и Плиску. Болгары воюют с «измаильтянами» и греками. Оба первых царя отличаются невероятным долгожительством — Слав правит 119 лет, а Испор 172 года (дольше всех царей «Летописи»)¹⁶.

Историческая основа сюжета в целом прозрачна — приход славян (персонифицированных в образе легендарного царя Слава), а затем болгар на южный берег Дуная в VII в. Испор, — разумеется, исторический хан Аспарух (ок. 642–700), основавший ок. 680 г. Болгарское ханство на Дунае. Но рассказ «Летописи» является сложным переплетением припоминаний о подлинной истории, фольклорных тропов и книжных заимствований. Присутствуют они едва ли не в равных долях — хрестоматийный пример проблемы, рассматриваемой в настоящей работе. В качестве примера можно указать на фантастическое упоминание «эфиопов». С одной стороны, это явно литературный по происхождению этноним, взятый из более ранних апокрифов. С другой, — здесь мы имеем дело со следом весьма архаического представления. На неосвоенной земле куль-

турному герою-предку противостоят не обычные люди, а демонические существа (или демонизированные преданием «чужие»). Однако «эфиопы» — и искаженное отражение исторической реальности. В сербской, менее мифологизированной версии предания о приходе болгар, речь идет о моровлахх («черных латинах»)¹⁷. О «волохах» как предшественниках болгар на Дунае говорит и «Повесть временных лет».

Следующим персонажем, с которым оказываются сопряжены некоторые элементы «устроения земли», достаточно закономерно стал первый царь Первого Болгарского царства Симеон (893–927). В то же время историческая память о его завоевательных войнах (и антибогомильских репрессиях) оказалась настолько неоднозначной, что ко второй половине XI в. он «раздвоился». С одной стороны, действует положительный царь Симеон Великий, подлинный устроитель государства. С другой, независимо от него вспоминается царь Симеон Премудрый, жестокий завоеватель, истощивший и болгар, и греков. В «Болгарской апокрифической летописи» действуют даже три Симеона.

Легенда о Симеоне Великом отразилась в апокрифе второй половины XI в. «Толкование Даниила» (здесь очень лаконично)¹⁸ и в «Болгарской апокрифической летописи»¹⁹. В последней он царствует 130 лет, уступая лишь Испору, тогда как в «Толковании» назван реальный, хотя и округленный до фольклорного числа срок — 30. При нем Болгария процветала.

¹⁷ Алексеев С.В. Летопись попа Дуклянина. С. 50.

¹⁸ Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина... С. 125.

¹⁹ Там же. С. 196.

¹⁶ Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 195–196.

По «Летописи», «взимал он дань со всей земли своей, по всем областям царства своего, — только горсть льна, ложку масла и одно яйцо в год. Такова была дань ему от его земли и его людей, а ничего иного сверх того ему не было. И было изобилие многое...» Там же говорится об основании Симеоном столичного города Преслава, — царь строил его 28 лет. В обоих источниках Симеон — отец царя Петра, при котором благоденствие завершилось (то и другое соответствует исторической реальности).

Легенда о Симеоне Премудром находится в апокрифе последних десятилетий XI в. «Сказание Исаии»²⁰ и в «Летописи»²¹. Сюжетная близость повествований допускает вторичность «Летописи» в этом месте, но дословных совпадений нет, и сюжет все-таки заметно отличается. Отголосок тех же представлений о завоеваниях Симеона можно найти и в «Толковании». Там непосредственно перед его упоминанием говорится, что болгары взяли себе «царство» при «кагане Михаиле» (отце Симеона Борисе-Михаиле) «насилом», положив начало многочисленным войнам²². В «Сказании» Симеон Премудрый приплывает откуда-то по морю на корабле и принимает оставшееся без царя Болгарское царство. Жестокий и высокомерный завоеватель, он был уничтожен самим Богом. По «Летописи», Симеон, «бесчестный и злой к людям, погубил землю Болгарскую, Иерусалимскую и Римскую». После царь «от иного чресла» Василий «погубил все земли враждебные и языки поганые, как какой-нибудь

храбрый муж», подчинив и Болгарию. Таким образом, функцию героического «обретения земли» «летописец» передает от скомпрометированного царя никому иному, как императору Василию II Болгаробойце (976–1025). Ошибочное представление, что греки завоевали Болгарию сразу после Симеона, было, судя по всему, распространено в традиции. После «третьего» Симеона в «Летописи» власть получает начавший Болгарскую войну император Никифор (963–969)²³.

Предания о Симеоне более историчны, чем предания о Славе и Испоре, и не представляют связного мифо-исторического комплекса. Однако они сохраняют ряд мифологических мотивов, традиционно связанных с «устроением земли» в разных традициях. Прежде всего, привлекает внимание образ всеобщего благоденствия, «золотого века», часто связываемого с первоначальными временами обустройства мира или страны. Здесь он к тому же сопряжен с последовательной для «Летописи» темой невероятного долголетия героев-предков. Последнее имело ясный литературный образец — библейских праотцов. Но «Летопись» воспроизводит его непоследовательно и довольно избирательно.

Интересен мотив с прибытием Симеона по морю в «Сказании». Мы оказываемся вправе считать образ «правителя из моря» общим для трех славянских историко-эпических традиций. «Сказание» к тому же показывает, что образ в своих корнях не связан с историческими фактами описываемого времени и мифологичен. Исторический Симеон наследовал отцу Борису-Михаилу (после свержения

²⁰ Там же. С. 151.

²¹ Там же. С. 197.

²² Там же. С. 125.

²³ Там же. С. 197.

отрекшимся ранее от престола отцом его брата-язычника) и не был пришельцем «из-за моря». Для образа же Симеона в «Сказании» прибытие по морю важно, поскольку намекает на иномирное происхождение царя. Мы вернемся к этой теме позднее.

Следующий и последний персонаж, приобретший в болгарской книжности многие черты культурного героя-«устроителя» — самозванный царь Петр Делян, вождь антивизантийского восстания 1040–1041 гг. Предания о нем отразились во всех трех «исторических апокалипсисах» второй половины XI в. В «Толковании Даниила» восстановивший Болгарию «каган» по имени не называется и, кажется, рассматривается как воскресший или возродившийся Борис-Михаил. В «Сказании Исаии» Делян называется прямо. То же — в «Болгарской апокрифической летописи», где рассказ о нем очень краток и гораздо более реалистичен, чем в двух других памятниках. Здесь необходимо сделать отступление, чтобы прояснить происхождение этого важного для исследования сюжета.

В «Толковании» и «Сказании» Делян глубоко мифологизирован, и исторические события практически растворены в мифических образах, в том числе явно полужыческого происхождения. Сказание о Деляне в обоих памятниках представляет собой стихотворный текст. В «Сказании Исаии», вероятно, — единственный пример более или менее полноценного воспроизведения славянской эпической песни для столь раннего времени. Она насчитывает 70 стихотворных строк и в целом выдерживает стих. Вернее, подобно «Слову о полку Игореве», песнь чере-

дует разные размеры, сохраняя, однако, достаточно мерную ритмику. К тому же сказание продолжается и далее — его трагический финал пересказан автором в довольно пространной, насыщенной эпическими образами прозе. Возможно, автор «Сказания» сам был носителем эпической традиции (почему и передал ее полнее и красочнее, чем автор «Толкования Даниила»). Если он и сбивается со стиха (что случается — особенно когда ему необходимы чужеродные вставки в текст), то не чаще, чем автор «Слова о полку Игореве» или многие народные сказители нового времени.

Версия «Толкования Даниила» подтверждает, что речь идет о хорошо известной и бытовавшей в разных вариантах устной традиции. Использование одного текста в другом (по крайней мере, в этой части) исключено, что доказывается сравнением повествований о Деляне. Дословных совпадений в них нет, кроме некоторых сходных формул, есть и серьезные сюжетные отличия. Таким образом, мы имеем возможность еще и сравнить два варианта эпического повествования на один и тот же сюжет — для этого периода совершенно уникальную.

Однако, наряду с устной традицией, у обоих апокрифов был и другой источник, не имевший отношения изначально ни к болгарской книжности, ни к Деляну. Первоисточником для «Толкования Даниила» стало переводное с греческого «Видение Даниила», содержавшее вариант легенды о «последнем царе» (во многих уже греческих версиях носящем имя Михаил). Черты этого эсхатологического царя обрел и «каган» в «Толковании», и Делян в «Сказании». «Измаильтяне» — постоянный

образ врага из греческих апокрифов — отождествляются с «уграми» и печенегами. Более того, встречаются элементы из других сюжетов «Видения», а также и самого популярного в славянском мире апокрифического апокалипсиса «Откровение Мефодия Патарского». Даже кажущиеся традиционными для славянского фольклора эпические формулы, как увидим, находят параллели в исходном греческом тексте (поскольку не являются специфически славянскими).

Вместе с тем, логичное объяснение в рамках сугубо литературной, книжной традиции ситуация имела бы лишь в том случае, если бы текстуальная связь «Толкования», «Сказания» и «Летописи» была очевидна. Но это не так. Три памятника родились примерно в одно время, в одной и той же среде. Они содержат одни и те же сюжеты и принадлежат к одному и тому же жанру апокрифического пророчества. «Толкование» и «Сказание» особенно близки сюжетно. Они к тому же используют один и тот же письменный источник («Откровение Мефодия Патарского») и содержат тождественные по сюжету стихотворно-ритмические отрывки (о Деляне). Однако эти отрывки не совпадают и отличаются в отдельных мотивах. Более того, три памятника при всех сюжетных сходствах именно между собой в оригинальных частях почти не имеют лексических и фразеологических совпадений, кроме типических или с большой вероятностью случайных. Все это с ясностью указывает на два обстоятельства. Во-первых, эти сочинения не зависят в обычном смысле друг от друга и не имеют в оригинальной болгарской части общего письменного источника. Во-вторых, они

восходили к общей, известной всем трем авторам устной традиции. В качестве таковой выступала «пророческая», нередко экстатическая проповедь богомилов, хорошо описанная и в византийских, и в болгарских источниках.

Такая проповедь, рождавшаяся и ведшаяся в малограмотной и неграмотной среде, естественным образом вбирала в себя фольклорные элементы, исторические предания, религиозные легенды или даже эпические песни. Обаяние богомильского проповедника, как оно описано, например, у Никиты Хониата (весьма субъективно)²⁴, было вполне сродни искусству языческого «волхва» или эпического певца. С другой стороны, при записи грамотными носителями традиции она столь же естественно сливалась с памятниками иноязычной пророческой литературы, переведенными на славянский язык. В данном случае в такой роли выступали «Видение Даниила» и «Откровение Мефодия Патарского». В этой смысле более чем характерно использование их тем и образов (скажем, место решающей битвы у «двуустого студента») в поэтических фрагментах «Толкования Даниила» и «Сказания Исаии».

Характерно то, насколько свободно авторы оригинальных болгарских апокрифов обращались с составными элементами греческого пророчества о «последнем царе» — своим излюбленным источником вдохновения. Компоненты «Видения Даниила» и «Откровения Мефодия Патарского» сливались, переставлялись местами, привязывались к разным пер-

²⁴ *Никита Хониат*. История со времен царствования Иоанна Комнина. Т. 2. Рязань, 2003. С. 21.

сонажам, делились между ними. По сути, отдельные мотивы греческих апокрифов превратились в род «сюжетных формул», которые славянские проповедники, будь то в устной или письменной форме, могли компоновать по своему усмотрению.

Интересный вопрос, связанный с восприятием аудитории богомильской проповеди, — рассматривались ли описанные в апокрифах события как уже в основном произошедшие или как только ожидаемые. Вопрос этот имеет значение, в особенности в связи с повествованием о Деляне — является ли оно прямым отражением-преломлением уже свершившихся событий или пророчеством о его грядущем возвращении. Более вероятна первая возможность. Тексты апокрифов, прежде всего, воспринимались как созданные не современниками, а в незапамятные времена — пророками Исаией и Даниилом. Соответственно, они целиком должны быть пророчествами — в том числе и о свершившихся уже исторических (или эпических) событиях, что и сообщало им достоверность в глазах аудитории. «Болгарская апокрифическая летопись» предсказывает уже после Деляна ожидаемые ее создателем (и несбывшиеся) события — воцарение охридского наместника Арева и завоевание всей Византии турками. Следовательно, сказание о Деляне и в «Летописи», и в двух других апокрифах воспринималось слушателями и читателями как рассказ о чем-то уже произошедшем.

Сказание о Деляне в обоих пространственных вариантах²⁵ чрезвычайно насыщено

²⁵ *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина... С. 125–126, 150–151.*

фольклорно-мифологическими образами, как оригинальными, так и унаследованными от греческих апокрифов. В «Сказании» Болгария и Греция опустошены жестоким царем «измаильтян» Чигочином и лежат в руинах. Множество жителей поработлено. Люди молятся о явлении подлинного царя. Чудесным образом появляется каган Делян. В обоих памятниках каган восстанавливает Болгарию, разоренную «уграми»-«измаильтянами». Победа дается ценой упорной борьбы и первых поражений, при помощи свыше. В «Сказании» Делян в первом сражении наносит поражение войскам насильника Чигочина, вооружив своих воинов оружием врага. Затем в двух битвах с самим Чигочином он терпит тяжелые поражения и только в третьей, «сече великой», наконец, уничтожает врага. О победе Делян 40 дней молится в Пернике; для решающей битвы он собирает 40 тысяч (4 «тьмы») войска. Ему помогают победить триста святых отцов. Кровопролитие в обоих памятниках таково, «что утонуть в крови жеребцу трехлетнему», «потонет третьяк-конь в крови». Каган, появившись таинственным образом, чтобы одержать победу над чужеземными угнетателями, обладает сверхъестественными качествами. В «Сказании» после победы над Чигочином Делян благополучно правит некоторое время, но на него нападают «бесстыдные змеи» с запада. Несмотря на превосходство врага и предчувствия людей, он вступает в войну. Потерпев поражение в первом бою, во втором и последнем, в «великой сече», Делян героически гибнет с тысячами войска.

В «Болгарской апокрифической летописи» рассказ о Деляне, как уже говори-

лось, на порядок короче и относительно ближе к реальности. Собственно мифологических мотивов он практически лишен. Здесь Делян не столько культурный или хотя бы эпический герой, сколько персонаж местных преданий. «Гаган Оделян» основывает три города: Червен, Несебр, Штип. После успешных завоеваний он убит иноплеменниками на Овчем Поле²⁶.

Эпический вариант повествования о Деляне представляет собой, что было уже отмечено, подчас неразличимую смесь фольклорных и литературных мотивов. Даже типично эпический мотив «земли в крови» на самом деле имеет ясную параллель в «Видении Даниила»: здесь «от крови разлилось море» во время битвы — правда, речь о битве «двух мучителей»²⁷. Что касается интересующего нас комплекса, то здесь присутствуют два ключевых его мотива — спасение и героическое обретение лежащей в хаосе страны. Историческая реальность за описываемыми событиями космического масштаба в этой версии пропадает полностью — от Деляна (насколько он нам известен) остается разве что имя. Любопытно, что произошло это всего спустя полвека (максимум!) после его гибели.

Один с очевидностью мифологический мотив до сих пор в рассматриваемых славянских примерах нам не встречался. Это тема «последней битвы» — решающей битвы героя с врагами, каковая понимается как итоговое столкновение добра и зла, от исхода которого зависит судьба страны или мира. Образ такого «космического» сражения часто встречается в индоевропейских традициях. Он дублируется на

уровне мифа о богах (с которым, видимо, связан изначально), героического эпоса, исторического предания²⁸. С темой устроения земли «последняя битва» может быть увязана двояко. С одной стороны, она может подводить черту под мифическим «золотым веком», с другой — напротив, положить ему начало. В сказании о Деляне мы видим следы обоих представлений. Здесь мифоэпический герой сначала (в «Толковании» и в «Сказании») после долгой войны, в третьей битве сокрушает демонического врага. Затем, в «Сказании», уже после этого герой гибнет в новом кровопролитном сражении с не менее (скорее более) демоническим противником. Оба описания насыщены эпическими числами и фольклорными формулами. Ничего подобного в других наших примерах нет. Однако, как увидим далее, на самом деле мотив (и даже его формульный «конвой») не уникален.

Общеславянский архетип: возможности реконструкции

Как показано, отдельные элементы архаического мифа об «устроении земли», обустройстве культурным героем социального порядка, сохраняются в составе отраженных славянской книжностью исторических преданий. Вместе с тем, практически все эти предания связаны не с мифологическим прошлым, а с историей конкретных славянских государств. Насколько велики возможности реконструировать стоящий за раннесредневековой традицией мифологический архетип?

²⁶ Там же. С. 198.

²⁷ Там же. С. 119.

²⁸ См.: Bray D. The end of mythology: Hesiod's «Theogony» and the Indo-European myth of the final battle // The Journal of Indo-European Studies. № 28 (3-4). P. 359–371.

Ряд мотивов в литературной композиции, описывающей «устройство земли», вполне можно считать общеславянскими или по меньшей мере восточно-южнославянскими. Это мотивы находящейся в хаосе страны, ее «обретения» вождем-героем, прибытия последнего из-за моря (сколь бы парадоксальным с учетом славянской истории это не кажется), основания им поселения. Также в каждой этнической традиции с мотивами «устройства» оказывается сопряжен — в той или иной форме (число персонажей, хронологические определители) — фольклорный «закон трех».

В большинстве названных случаев «троповый» характер мотива особых сомнений не вызывает. Но наиболее «конкретный» из перечисленных мотивов — прибытие правителя из моря — не может не требовать дополнительного анализа. Первый вопрос, который встает неизбежно, — не идет ли речь просто о случайном совпадении исторических обстоятельств? В той же русской традиции есть исторический пример прибытия прославленного устроителя «из-за моря» — возвращение в Новгород Владимира Святославича около 977 г. Сомневаться в реальности этого события нет никаких существенных оснований. Рюрик мог (и скорее должен, если являлся историческим лицом) «прийти из-за моря»; память о приходе из Рима Белло-Белого сохранилась и в сербской, и в дубровницкой традиции, так что историческую основу можно допустить.

Однако есть веские аргументы и в пользу фольклорного происхождения мотива. В болгарском случае ни о каких исторических обстоятельствах речь не идет. Царь Симеон в роли «правителя из моря» —

лучшее свидетельство тому, что мотив мог встраиваться в предания об «устройении», не имея никакой исторической основы, к тому же в довольно короткие сроки. Можно, конечно, допустить, что здесь отразились смутные припоминания о пребывании молодого Симеона в качестве почетного заложника в Византии. Однако это докажет лишь то, что припоминания о прибытии героя-устроителя из-за границы традиция предпочла трансформировать в прибытие его «из моря».

И в случае с Рюриком, и в случае с «королем Белло» мы остаемся в пространстве припоминаний, трансформированных устной традицией. Об историческом жупане Белом мы не знаем, прибывал ли он из Рима (и знаем, что значительная часть рассказанного о нем в «Летописи попа Дуклянина» не принадлежит реальной истории). Об «историческом» Рюрике мы не знаем ничего. В обоих случаях мотив «правителя из моря» оказывается сопряжен с фигурами легендарными, принадлежащими устной памяти, а не писаной истории. Одно это, безотносительно возможной или даже вполне вероятной исторической основы, склоняет к мысли о архетипических корнях ситуации. Что касается исторической реконструкции, то она и в этом случае остается допустимой. Конечно, если факты благоприятствовали, архетип накладывался на конкретное предание гораздо логичнее (и «достовернее»). Другое дело, что, как показывает болгарский пример, в фактах такое наложение не нуждалось.

Происхождение мотива «правителя из моря» — вопрос особый, и неоднократно в науке затрагивавшийся (не на славянском материале). Славянские примеры

существенно расширяют индоевропейский контекст мотива, хорошо известного по германской традиции. Наиболее часто приводимый германский пример — генеалогический миф о происхождении короля Скевы (или Скильда Скевинга) в англосаксонском эпосе, в том числе в «Беовульфе». Здесь ситуация откровенно мифологична — будущий король младенцем приплывает неизвестно откуда в никем не управляемой, но богато убранной ладье. Этот элемент мифологии устроителя ясно соотносится с идеей его сверхъестественного, иномирного происхождения. Море — аналог иного мира во многих индоевропейских традициях. То, что Рюрик и Белло прибывают из-за западного моря, в равной степени символично, с учетом понимания запада как «иной» стороны в славянской традиции.

Реконструируя «мифологический» уровень традиции, предшествующий любому дошедшему до нас варианту и их историческим основам, можно увидеть, что древнерусская версия в известном смысле «концентрирована». Она, во-первых, уникальна в рамках своей этнической традиции; во-вторых, — содержит мотивы, в других традициях привязанные к разным сюжетам. «Правитель из моря» в сербской и болгарской версии один, не имеет братьев. В сербском предании о трех братьях-родоначальниках нет мотива «земли без правителя» — герои здесь просто завоеватели. Сопоставление с наиболее близкими русской сербскими версиями укрепляет мысль о соединении в первой двух исходных сюжетов об «устроении». В одном действуют три брата, прибывающие на новые земли и тем или иным путем «обретающие» их, причем один из

них становится предком ныне правящей династии. В другом единственный культурный герой прибывает из моря, чтобы обустроить лежащую в хаосе в ожидании его страну — в частности, основать важное поселение. Комбинироваться мотивы могли и иначе, подчас в зависимости от схожести с исторической ситуацией. На это указывают болгарские примеры, где мотив «страны без правителя» соединяется с темой прибытия последнего (и иногда градостроительства) по-разному. Мотив же трех братьев в болгарской книжности не сопряжен с темой «устроения страны». Слияние двух родственных по духу, но не тождественных фольклорных композиций в древнерусском случае может быть продуктом частичного совпадения обеих с исторической реальностью. Но последнее обречено оставаться предположением.

Некоторые мотивы в данном контексте являются общими только для двух традиций — почти во всех случаях для русской и сербской. Помимо образа трех братьев-родоначальников (точнее, трех братьев и одного из них родоначальника), это еще и тема происхождения ныне правящей династии. Последнее, впрочем, вполне естественно — в период создания рассматриваемых болгарских памятников Болгария независимой не являлась. Прежние же цари (до Петра) в «Болгарской апокрифической летописи» точно так же возводят род к древним дохристианским временам. Кстати, стоит отметить, что и в болгарском, и в сербском случае достоверность генеалогической связи христианских правителей с вождями древних миграций крайне сомнительна.

В болгарских апокрифах отмечены два мотива, в равной степени имеющие ми-

фологические корни, но не находящие прямых параллелей в рассмотренных русском и сербских сюжетах. Это образы «золотого века» и «последней битвы», ясно связанные в архаических представлениях с темой первоначального обустройства земли. Между тем, и в восточнославянском, и в южнославянском фольклоре, в том числе героическом эпосе, мотивы эти, особенно последний, хорошо известны. Внимательное рассмотрение обнаруживает их рудименты, причем весьма близкие по набору сюжетных составляющих к болгарским вариантам, в исторических повествованиях русских летописей.

Прежде всего, следует отметить, что центральный для сюжетов об «устройении» мотив «взятия / обретения земли» повторяется в раннеисторических повествованиях разных народов мира как своеобразный рефрен. Каждый выдающийся правитель на том или ином политическом изломе «обновляет» свою страну. Вновь закрепляя свое право на власть над ней, он повторяет организующие действия первопредка. В догосударственном и языческом раннегосударственном обществе такое обновление символизировалось и утверждалось ритуалами инаугурации вождей, воспроизводящими миф. В дальнейшем оно, переосмысленное с точки зрения новой культуры, могло находить отражение в литературе и государственной идеологии.

Характерна в этой связи картина истории, создаваемая «Летописью попа Дуклянина» и позднейшими сербскими историческими сочинениями. Белло первым обновляет распавшееся «Королевство славян» после долгого хаоса. Через несколько поколений после него король Доброслав,

сбросив владычество греков, возвращает себе королевство предков и совершает великие завоевания. В конце «Летописи» Дуклянской державе приходит конец. Но уже за ее пределами правитель загорской Сербии Стефан Неманя возвращает себе «погибшую дедину», разгромив греков и объединив сербские земли. Идея «обновления» им страны становится ключевым элементом идеологии новой Сербской державы. И образ этот позднее воспроизводится по отношению к другим Неманичам. Точно так же и в «Болгарской апокрифической летописи» история Болгарии предстает как череда героических обновлений-восстановлений, совершаемых великими правителями.

Конечно, историческая действительность непрочных, поддерживаемых военной силой ранних государств давала достаточно оснований для жизни этому древнему архетипу. Неудивительно, что и русские летописцы рисуют историю Руси во многом сходно, — хотя здесь справедливее говорить лишь о частичном влиянии мотива, ярко проявленного только в легенде о Рюрике. Элементы образа героя-обновителя, заново «обретающего» землю, чувствуются и в Олеге Вещем, и в княгине Ольге, и особенно во Владимире Святом. Стоит отметить, что Владимир в летописи представляет собой ясную параллель Рюрику. Его путь к власти начинается с прибытия из-за моря в Новгород. Он предстает как единственный из трех братьев, ставший родоначальником последующих князей. Если Рюрик стоит у «начала Русской земли», то Владимир — начало Руси христианской.

Неудивительно, что отдельные мифологические мотивы оказывались привяза-

ны, если тому находилось больше исторических оснований, к позднейшим потомкам основателя династии. Мотив «золотого века» в Начальном своде связан даже не с одним конкретным лицом, а со всеми древнейшими князьями. В древности, по мнению летописца, князья и дружинники отличались идеальными нравами: князья «не собирали многого имени... Но когда была правая вира, ее и брали, раздавая дружине на оружие. А дружина их кормилась, воюя иные страны... не возлагали на своих жен золотых обручей, но ходили жены их в серебряных. И расплодили они Русскую землю»²⁹. При этом позднее персонально выделяется креститель Владимир, действительно прославленный своей щедростью уже среди современников. В летописи он и невероятно щедр с народом, и любит дружину, постоянно советуясь с ней, а после крещения живет в мире со всеми соседними государствами³⁰. Что картина древнего «золотого века» не чужда древнерусской традиции, показывает «Повесть временных лет». Даже прежде династии Рюриковичей летописец упоминает время, когда различные славянские племена (в том числе враждующие с первых страниц Начального свода) жили в мире между собой³¹.

Что касается «последней битвы», то наибольшее число ассоциаций с ней, в том числе конкретно с болгарским сказанием о Деляне, вызывают повествования о вполне исторических событиях — войнах Ярослава Мудрого. В первую очередь, это касается известной из большого числа

русских и зарубежных источников его войны за власть со Святополком Окаянным. Русская традиция об этих событиях отразилась в ряде памятников, соотношение которых между собой является предметом давних научных дискуссий («Сказание о Борисе и Глебе», Начальный свод, «Повесть временных лет», новгородская летописная повесть³²). Ясно то, что в письменном виде традиция существовала уже как минимум к середине XI в. и, скорее всего, была зафиксирована современниками событий.

В кратком повествовании Новгородской первой летописи младшего извода, где комбинируются Начальный свод и новгородская повесть, Ярослав вступает в жестокую битву со Святополком Окаянным и печенегами. «Многие верные видели ангелов Божиих, помогающих Ярославу». Святополк побежден и безвестно сгинул, а Ярослав вступает в Киев. В «Повести временных лет» Святополк Окаянный, ранее уже наводивший печенегов и поляков, изгнанный из Киева, вновь приводит на Русь печенегов. на Альте княжащий в Киеве Ярослав вступает с ним в третью и последнюю битву, призывает Вышнюю помощь и братьев-мучеников. После ожесточенного сражения Святополк разгромлен и безвестно сгинул. Святополк, противник Ярослава, рисуется (не без оснований) архетипичным злодеем. Сумев получить власть после смерти Владимира, он истребляет своих братьев, убивает святых Бориса и Глеба, приводит на Русь печенегов и поляков, последних предаёт.

²⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 104.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 9; ПСРЛ. Т. 38. С. 14.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 9; ПСРЛ. Т. 38. С. 14.

³² Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006. С. 306; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 140–146; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 127–133; ПСРЛ. Т. 3. С. 15, 174–175; ПСРЛ. Т. 38. С. 62–63.

В обоих летописях битва характеризуется уже знакомыми нам формульными методами: «сеча зла», «по долам кровь текла». Обращает на себя внимание и фольклорная «математика» разных версий. В новгородской повести с Ярославом под Любечем три тысячи новгородцев и тысяча варягов. Стояние на Днепре перед Любечской битвой длится три месяца. В «Повести временных лет» Ярослав не только трижды с переменным успехом бьется против Святополка Окаянного и окончательно побеждает в третьей битве. На Альте сражающиеся тоже сходятся трижды. Если в новгородской повести (и в Начальном своде?) в войске Ярослава насчитывалось только 4000 человек, то в «Повести временных лет» у него под Любечем 40 тысяч новгородцев и тысяча варягов.

Таким образом, здесь не просто отражается целый ряд элементов, характеризующих «последнюю битву» сверхъестественного добра и демонического зла. Здесь есть целый ряд совпадений конкретно с тем вариантом этого образа, который мы находим в болгарских исторических апокрифах XI в. Особенно это оказывается заметно при сопоставлении «Сказания Исаии» и «Повести временных лет». В обоих памятниках рельефно выписан образ злодея-узурпатора, причем в обоих случаях он предводительствует враждебными кочевниками (Чигочин, кстати, — собирательный образ печенежского хана). В обоих памятниках герой бьется с врагом трижды с переменным успехом, и только в последней битве одерживает полную победу. В обоих памятниках для победы требуется сверхъестественная помощь. В обоих памятниках герой собирает 40-ты-

сячное войско (в «Повести временных лет», правда, не для последней битвы, но для первой победоносной). Наконец, в обоих памятниках последнее сражение характеризуется традиционными формулами «сечи» и «земли в крови».

Совпадения действительно поразительны, но они остаются лишь на уровне мотивов сюжета. Лексических пересечений между русскими памятниками и «Сказанием Исаии», кроме названных формул (поданных иначе), нет. Таким образом, о литературном взаимодействии речь идти не может — русская и болгарская традиция используют независимо друг от друга некий внелитературный архетип «последней битвы». Расхождения же связаны с принципиально разным обращением к этому архетипу. Создававшаяся в начале XII в. «Повесть временных лет» в расширенном описании эпохи Ярослава могла полагаться на устные рассказы и предания. Однако даже при этом фольклорные мотивы лишь встраиваются в канву исторических событий, подчиняются ей, соответственно изменяясь. Если мы и имеем здесь обобщенную личную память, литературными и фольклорными тропами картину событий, то конкретный историзм от этого страдает незначительно. В болгарском историческом апокрифе, — и ввиду специфики жанра, и ввиду полного отсутствия подлинного историописания в основе, — историзм поглощен архетипом. Какие бы события (скажем, неизвестные попытки Деляна противостоять венграм и печенегам на севере) не отразились здесь, они всецело мифологизированы. Это подводит нас к итоговому вопросу — насколько присутствие мифологических (а равно эпических или иных фольклорных)

по происхождению мотивов препятствует научной реконструкции исторической реальности?

Миф, история, литература

Вопрос о соотношении мифологического, исторического и литературного в подобного рода раннеисторических повествованиях далек от однозначного решения. Иногда ответы очевидны. Литературное заимствование из русских летописей в «Летопись попа Дуклянина» или наоборот представить невероятно. Нет у рассказов о Рюрике и Белло и общего литературного прототипа. Но сходство их между собой гораздо заметнее, чем, например, основательно предполагаемые в повествованиях о ранней русской истории скрытые библейские аллюзии. Нечего и говорить, что рассказы о Рюрике и Белло отражают разные исторические события. Но, — вновь, — они гораздо ближе друг к другу, чем легенда о призвании варягов с сюжетом о призвании в Новгород на княжение героя исландской «Саги о Хрольве Пешеходе». Это при том, что гипотеза о смутном отражении в поздней саге тех же событий IX в. имеет веские основания³³.

Однако менее всего хотелось бы поддерживать точку зрения как традиционной «мифологической», так и «неомифологической» школы, утверждая отсутствие конкретного историзма в фольклорном образе истории. Специфика устной историко-эпической традиции в том, что в каких бы пропорциях не сочетались в ней «миф» и история, ни один элемент не теряется целиком. Более того, неред-

ко недостаток, на наш взгляд, историзма в том или ином сюжете (будь то о Рюрике или о Деляне) связан лишь с недостатком наших знаний. Неизвестные нам из каких-либо достоверных первоисточников события на севере славянских земель в IX в. могли развиваться так или почти так, как описано в летописи. Сколько бы мифологического не было в образе Деляна в апокрифах, на время его восстания действительно приходится набеги с севера, и он вполне мог, наряду с войной против Византии, бороться и с кочевниками. Возможность не является фактом, но при наличии оснований в источниках становится более или менее веской гипотезой. Личные имена, географические названия, выпадающие из фольклорной «матрицы» детали — следы исторической реальности и основательный материал для исторических реконструкций.

Но, сверх того, и «типические», «троповые» образы, описания, мотивы — не всегда плод воображения и слияния истории с мифом. «Типичность» той или иной фольклорной ситуации часто исходит из ее действительной «типичности» — повторяемости. Однако и самые нестандартные, даже маловероятные ситуации имеют свойство повторяться, особенно после того, как уже стали «типическими» благодаря фольклору или книжности. Причины тому могут быть самые разные — и не в последнюю очередь сознательное их воспроизводство теми людьми, для которых они стали «типическими» или «образцовыми». Вождь в архаическом обществе сознательно копирует действия мифологического предка как в специально предназначенном для того ритуале, так и вне его. Но и христианский правитель

³³ Плотникова О.А. Легитимизация власти на этапе становления и укрепления династии русских князей. М., 2008. С. 25–26.

сознательно воспроизводит библейские и агиографические модели поведения, в том числе в конкретных ситуациях. Что не исключает «повторения» им и деяний мифологического культурного героя, если чертами такового наделены его легендарные языческие предки.

Так обстоит дело с отражением истории в устной исторической традиции. Но ни в одном рассмотренном нами случае мы с собственно устной традицией дела не имеем. Мы рассматривали памятники ранней, но все-таки письменной традиции. Вошедшая в них устная традиция в сколько-нибудь подлинной форме нам недоступна и доступна не будет. А значит, следует иметь в виду не только специфику фольклорного историзма, но и литературный фон эпохи, вплоть до круга чтения и воззрений конкретного автора. Это обстоятельство нередко ускользало от внимания исследователей, работавших в «мифологической» или «исторической» парадигме. Однако оно стало едва ли не главным объектом научного внимания и в исторической, и в филологической области в последние десятилетия.

Основания для такого внимания есть в каждом рассмотренном нами случае. Болгарская литература развивалась под очевидным греческим явлением, и сам жанр исторической апокалиптики был заимствован из Византии вместе со многими мотивами и сюжетами. Русские летописцы открыто и скрыто, через неявные параллели и парафразы, уподобляли историю Руси Рюриковичей истории библейской. «Летопись попа Дуклянина» уже в славянском прообразе являлась субъективной авторской компиляцией независимых друг от друга традиций. Дошла она

до нас в латинском переложении, неизвестно насколько авторизованном. В западнославянском сюжете об «обретении земли» — рассказе о «праотце Боэмусе» из «Хроники» Козьмы Пражского — библейские аллюзии фактически полностью подменяют фольклорную основу. Само ее существование в итоге остается под вопросом для исследователей.

Но поиски литературных параллелей и источников применительно к раннеписьменной традиции не следует, как представляется, возводить в абсолют. Во всяком случае, они не должны затемнять ни исторической основы, ни устных корней исследуемых сюжетов. Определенная слабость любых построений, подразумевающих «литературное заимствование», заключается в том, что без неоспоримой информации о круге чтения конкретного автора они всегда остаются только допущением. В большинстве же случаев мы не можем судить о круге чтения раннесредневекового автора с безусловностью, — даже умозаключение о знакомстве духовного лица с библейскими книгами не всегда бесспорно. Знакомство же человека, выросшего в традиционном или тем более архаическом обществе, с фольклорной традицией — как раз неоспоримый факт. Потому при выборе между вероятностью литературного и фольклорного происхождения того или иного мотива последний вариант выглядит более убедительно. Если, конечно, «научная мода» историографии данного времени не склоняется к иному.

Рассказ о битве Ярослава с печенегами под 1036 г. тоже содержит целый ряд мотивов, сближающих его с повествованиями о Деляне, как оно изложено в «Сказании

Исаии», и напоминающих «последнюю битву». Это итоговое, описанное в эпических тонах сражение («сеча зла») с давним и кровным врагом Руси и Рюриковичей, закончившееся окончательной победой. Подчеркивается сокрушающее превосходство сил вторгшегося противника — и полнота его поражения³⁴. Рассказ этот мог испытать прямое или опосредованное влияние болгарского «Сказания». Хронологических и логических препятствий к такому умозаключению нет, а вероятная общность «образа врага» (печенегов) может и укрепить в таком предположении. Но мы имеем ясную (намного более ясную) переключку с болгарским сказанием и в случае с войной Ярослава и Святополка. А традиция о последней явно развивалась независимо от данного «влияния». Таким образом, скорее мы имеем здесь результат самостоятельного осмысления на Руси и в Болгарии исторических событий через призму одинакового архетипа. Считать его частью общеславянского фольклорного наследия появляются веские основания.

Но убедительность — не значит доказанный факт. Во многих случаях мы остаемся перед неразрешимой альтернативой — если в достоверно известном автору памятнике присутствует распространенный фольклорный мотив. Есть и более очевидные, но и более парадоксальные случаи. Мотив «земли в крови» во время решающего сражения с очевидностью заимствован авторами болгарских апокрифов из греческого «Видения Даниила». Но это крайне распространенный в эпосе индоевропейских (и не только) народов мотив. Оттого в сказании о Деляне,

гораздо плотнее насыщенном фольклорными тропами, чем исходное «Видение», литературным он уже не кажется. Если же верно предположение, что традиция «Видения» прошла стадию устного бытования, то «не кажется» оправданно заменить на «не является». Более того, мы знаем, что мотив распространен в славянском фольклоре намного шире, чем реальное или предполагаемое влияние «Видения». Вопрос — можно ли в таком случае считать мотив заимствованным? — или, точнее, — насколько значим факт его исходного заимствования? — оказывается в этом контексте вполне обоснован.

Для создателей ранней повествовательной литературы, в том числе раннего историописания, в любом обществе фольклор являлся естественным источником и естественным собранием образцов. Это явление неизбежное как минимум потому, что сами эти создатели неизбежно являлись в той или иной степени носителями фольклора. Представить, что какой бы то ни было литературный образец, сколь угодно важный и сакральный, полностью заместил в их сознании изначальную культурную среду, маловероятно. Следовательно, при создании ранней повествовательной литературы происходил процесс конвергенции письменной и устной традиции. Он порождал памятники, подчас весьма своеобразно отражавшие (и вновь, уже на новой основе, интерпретировавшие) действительность дописьменного и более близкого прошлого. Но действительность эта все равно отражалась в них. Использование ранней повествовательной литературы как источника по истории (и мифологии) архаических обществ более чем оправдано.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 138–139; ПСРЛ. Т. 38. С. 65.

Любой литературный памятник древности и средневековья следует рассматривать прежде всего как целостный культурный факт, за которым стоит личность его создателя — создававшего именно некую целостность. Без понимания и принятия этого, без реконструкции поддающихся таковой персональным чертам автора (сколь бы условным в некоторых случаях авторство не являлось) никакой претендующий на герменевтику подход не будет герменевтическим. Работая с содержанием текста, его источниками, общими «представлениями эпохи», не брать в расчет конкретную личность, создавшую изуча-

емый текст, ошибочно. Между тем, неотъемлемой чертой любого автора в раннеписьменном обществе был тот или иной уровень знакомства с устной традицией. Исключать эту черту из научного рассмотрения или создавать картину, при которой она минимизируется, по меньшей мере странно. Раннеписьменные повествовательные памятники представляют собой органические, не поддающиеся механической «расшивке» единства устного и письменного наследия, созданные носителями обеих традиций. Из этого следует исходить и в филологическом, и в источниковедческом их анализе.

Библиография

Источники:

- Алексеев С.В. *Летопись попа Дуклянина: перевод и комментарий*. СПб., 2015.
- Константин Багрянородный*. Об управлении Империей: текст, перевод, комментарий. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.
- Никита Хониат*. История со времен царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003.
- Повесть временных лет / Пер. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Комм. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова. СПб., 2012.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- Святые князья-мученики Борис и Глеб: Исследование и тексты / Иссл. и подг. текстов Н.И. Милютенко. СПб., 2006.
- Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина въ Византия и в средновековна България. София, 1996.

Литература:

- Алексеев С.В. Указатель сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы: постановка задачи и подходы // Историческое обозрение. Вып. 18. М., 2017.
- Алексеев С.В. Тема «обретения земли» в славянском фольклоре и раннесредневековом историописании // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 6 (70). История и миф: теория, идентичность, социокультурные и политические реалии (Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840002241-4-1>).
- Алексеев С.В., Плотникова О.А. Отражение эпоса и преданий в древнейших памятниках славяноязычной литературы: к методологии выявления // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3.

Алексеев С.В. Плотникова О.А. Указатель сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы (Режим доступа: <http://ukazatel.iporadetel.ru/>).

Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.

Мельникова Е.А. Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2.

Плотникова О.А. Легитимизация власти на этапе становления и укрепления династии русских князей. М., 2008.

Плотникова О.А. К вопросу о роли и значении фольклорных элементов в составе древнерусских исторических повествований // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 6 (70). История и миф: теория, идентичность, социокультурные и политические реалии (Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840002239-1-1>).

Плотникова О.А. Сюжет и мотив в фольклоре и раннем историописании: споры об определениях // Историческое обозрение. Вып. 19. М., 2018.

Bray D. The end of mythology: Hesiod's «Theogony» and the Indo-European myth of the final battle // The Journal of Indo-European Studies. № 28 (3-4).

Сведения об авторе:

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, г. Москва (Россия). Область научных интересов: история Восточной Европы в древности и раннем Средневековье, источниковедение, история культуры, история религии.
E-mail: ipo1972@mail.ru

S.V. Alexeev

“THE DISPENSATION OF THE LAND” IN ANCIENT AND MEDIEVAL SOUTH SLAVIC LITERATURE

Annotation: The article considers the influence of archaic mythological motives on the image of history by the example of separate plots from the old Russian and South Slavic early medieval literature. The chronicle tradition of calling the Vikings matched with scenes from “Chronicle of Pope dukljanina” and Bulgarian historical apocalyptic. The motives that go back to the mythological archetype of “the earth’s dispensation” by the cultural hero-ancestor are singled out. The fate of these motifs is traced in the early medieval Slavic historiography, including the example of undeniably historical stories. The article is based on the experience of working on the “Index of plots and motives of oral origin in the ancient monuments of Slavonic literature”.

Keywords: Ancient Russia, chronicle, old Russian literature, South Slavic folklore, oral tradition, plot, motif, myth, literature

References

Sources:

Alekseev S.V. Letopis' popa Duklyanina: perevod i kommentarij [Chronicle of priest Dukljanin: translation and commentary]. SPb., 2015. (In Russian).

Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii Imperiej: tekst, perevod, kommentarii [On the management of the Empire: text, translation, comments]. Ed. by G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev. M., 1991. (In Russian).

Nikita Honiat. Istoriya so vremen carstvovaniya Ioanna Komnina [History since the reign of John Comnenus]. Ryazan', 2003. (In Russian).

Povest' vremennyh let [Tale of Bygone Years]. Trans. by D.S. Likhachev, O.V. Tvorogovva. Comm. by A.G. Bobrov, S.L. Nikolaev, A.Yu. Chernov. SPb., 2012. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 1, M., 1997. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey, vol. 2, M., 1998. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey, vol. 3, M., 2000. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 37, L., 1989. (In Russian).

Svyatye knyaz'ya-mucheniki Boris i Gleb: Issledovanie i teksty [The holy princes — martyrs Boris and Gleb: Research and texts]. Research and preparation of texts by N.I. Milyutenko. SPb., 2006. (In Russian).

T'pkova-Zaimova V., Miltenova A. Istoriko-apokaliptichnata knizhnina v" Vizantiya i v srednovekovna B"lgariya [Apocalyptic book in Byzantium and in medieval Bulgaria]. Sofiya, 1996. (In Bulgarian).

Researches:

Alekseev S.V. Ukazatel' syuzhetov i motivov ustnogo proiskhozhdeniya v drevnejshih pamyatnikah slavyanoyazychnoj literatury: postanovka zadachi i podhody [Index of plots and motives of oral origin in most ancient monuments of Slavonic literature: setting the task and approaches]. Istoricheskoe obozrenie, no 18, 2017. (In Russian).

Alekseev S.V. Tema "obreteniya zemli" v slavyanskom fol'klоре i rannesrednevekovom istoriopisaniy [The theme of "gaining land" in Slavs folklor and early medieval historiography] URL: https://history.jes.su/s20798784000_2241-4-1. (In Russian).

Alekseev S.V., Plotnikova O.A. Otrazhenie ehposa i predanij v drevnejshih pamyatnikah slavyanoyazychnoj literatury: k metodologii vyyavleniya [The reflection of the epic and legends in the ancient Monuments of Slavonic Literature: Towards a Methodology of Identification]. Znanie. Poni-manie. Umenie. no 3, 2017. (In Russian).

Alekseev S.V., Plotnikova O.A. Ukazatel' syuzhetov i motivov ustnogo proiskhozhdeniya v drevnejshih pamyatnikah slavyanoyazychnoj literatury [The index of plots and motives of oral origin in the oldest monuments of Slavic literature]. URL: <http://ukazatel.iporadetel.ru/>. (In Russian).

Krinichnaya N.A. Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: voprosy genezisa i struktury [Russian folk historical prose: issues of genesis and structures]. L., 1987. (In Russian).

Mel'nikova E.A. Proiskhozhdenie pravyyashchej dinastii v rannesrednevekovoj istoriografii. Legitimizaciya inoetnichnoj znati [The origin of the ruling dynasty in the early medieval historiography. Legitimization of foreign ethnic nobility] // Mel'nikova E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya. Izbrannye trudy [Ancient Russia and Scandinavia. Selected Works]. M., 2011. (In Russian).

Mel'nikova E.A., Petruhin V.Ya. Legenda o "prizvanii varyagov" i stanovlenie drevnerusskoj istoriografii [Legend on the "vocation of the Varangians" and the formation of ancient Russian historiography] // Voprosy istorii. no 2, 1995. (In Russian).

Plotnikova O.A. Legitimizaciya vlasti na eh tape stanovleniya i ukrepleniya dinastii russkih knyazej [Legitimization of power at the stage of formation and strengthening dynasty of Russian princes]. M., 2008. (In Russian).

Plotnikova O.A. K voprosu o roli i znachenii fol'klornyh ehlementov v sostave drevnerusskih istoricheskikh povestvovanij [On the question of the role and significance of folklore elements in composition of ancient Russian historical narratives] Hlektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». no 6 (70), 2018. URL: <https://history.jes.su/s207987840002239-1-1>. (In Russian).

Plotnikova O.A. Syuzhet i motiv v fol'klоре i rannem istoriopisanii: spory ob opredeleniyah [The plot and motive in folklore and early historiography: the debate about the definition]. Istoricheskoe obozrenie, no 19, 2018. (In Russian).

Bray D. The end of mythology: Hesiod's "Theogony" and the Indo-European myth of the final battle // The Journal of Indo-European Studies. No 28 (3-4), 2000. (In English).

About the author:

Alexeev Sergey V., Doctor of History, Professor, Chairman Of the historical and educational society "Radetel", Professor of the Department of history and historical archives of the Moscow state Institute of culture, Moscow (Russia).

E-mail: ipo1972@mail.ru